

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ PROBLEMA PRINCIPALE

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.009-033

А. В. Габов
С. П. Саяпин

Институт государства и права Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация

Платформенные отношения как предмет правового регулирования

Резюме. Статья посвящена анализу платформенной экономики как специфического предмета (скорее, даже совокупности связанных между собой предметов) правового регулирования, выявлению проблемных аспектов формирования правового регулирования. В работе рассмотрена ретроспектива формирования подходов и собственно регулирования в России; проанализированы положения Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»; показана сложность определения понятия «цифровая платформа»; дана оценка структуры указанного Закона, в том числе в сравнении с ранее принятыми законами, регулирующими отношения между субъектами, использующими платформы, между субъектами и лицом, обеспечивающим функционирование платформы (владельцем, оператором), а также иные, тесно связанные с этими двумя группами отношения (или платформенные отношения); исследован терминологический аппарат Закона. Показаны основные проблемные точки регулирования, которые появились после принятия данного Закона, а именно множественность определения понятия «цифровая платформа» и наличие понятий-аналогов (агрегатор в законодательстве о защите прав потребителей). Авторы полагают необходимым провести ревизию действующего регулирования, унифицировать в необходимых случаях терминологию, устранить возникшие противоречия.

Ключевые слова: экономика; цифровизация; цифровая платформа; агрегатор; маркетплейс; платформенная экономика; конкуренция; личный кабинет; дистанционное взаимодействие; сделка; государственная информационная система

Для цитирования: Габов А. В., Саяпин С. П. Платформенные отношения как предмет правового регулирования. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 11. С. 9–33. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.009-033

Platform Relations as a Subject of Legal Regulation

Andrey V. Gabov

Sergey P. Sayapin

The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is dedicated to analyzing the platform economy as a specific subject (or rather, a collection of interrelated subjects) of legal regulation, identifying problematic aspects in the formation of legal frameworks. The study reviews the historical development of approaches and actual regulation applied in Russia, analyzes the provisions of Federal Law No. 289-FZ «On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation» adopted on July 31, 2025; highlights the complexity of defining the term «digital platform»; and

© Габов А. В., Саяпин С. П., 2025

evaluates the structure of the law under consideration, compares the law with previously adopted laws regulating relationships among entities using platforms, between these entities and the person facilitating the platform's functioning (the owner or operator), as well as other closely related relationships (or platform relationships). The terminology used in the law is also examined. The authors identify key regulatory problem areas that have emerged since the adoption of the law, namely, the multiplicity of definitions for the term «*digital platform*», as well as the existence of analogous terms (aggregator in consumer protection legislation). The authors believe it is necessary to conduct a review of the existing regulations, unify terminology where necessary, and eliminate the contradictions that have arisen.

Keywords: economy; digitalization; digital platform; aggregator; marketplace; platform economy; competition; personal account; remote interaction; transaction; government information system

Cite as: Gabov AV, Sayapin SP. Platform Relations as a Subject of Legal Regulation. *Lex russica*. 2025;78(11):9-33. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.009-033

Цифровые платформы как вызов для права

Цифровые технологии, как справедливо отмечено Ж. Тиролем, лежат в основе экономических и социальных перемен XXI в., они вторглись во все сферы человеческой жизни и будут только множить свое влияние на всю человеческую деятельность¹. Одно из наиболее важных последствий цифровизации общественных отношений — развитие *цифровых платформ*², которые существенно изменили представление и о моделях взаимодействия субъектов, реализующих различные интересы³, и о самих возможностях такого взаимодействия: в экономической литературе справедливо отмечается, что платформы обеспечили взаимодействие таких групп потребителей, чей контакт в иных условиях был бы либо невозможен, либо ограничен⁴ (здесь

можно было бы добавить — или затруднителен, сопряжен со значительными издержками).

Дистанционное электронное взаимодействие субъектов с использованием возможностей, предоставляемых цифровой платформой (их можно обозначить как сервисы), стало не просто одним из (в череде иных) новых явлений, требующих правового оформления⁵, — в силу специфики последствий (как положительных, так и отрицательных) использования цифровых платформ право столкнулось с большой проблемой: *как регулировать различные отношения, возникающие между субъектами, использующими платформы, отношения этих субъектов с лицом, обеспечивающим функционирование платформы (оператором), а также иные, тесно связанные с двумя этими группами отношения* (далее для простоты

¹ См.: Тироль Ж. Экономика для общего блага / пер. с фр. И. Е. Шевелевой, науч. ред. перевода М. Левин. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 523.

² О понятии «цифровая платформа» также см.: *Габов А. В.* Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13–82.

³ Развитие отношений с использованием понятия «платформа» было отмечено в экономической литературе в 2000-е гг., где о таких платформах стали говорить как о моделях двусторонних (многосторонних) рынков. См.: *Rochet J. C., Tirole J.* Two-sided markets: a progress report // *The RAND Journal of Economics*. 2006. Vol. 37. No. 3. P. 645–667; *Rochet J. C., Tirole J.* Platform competition in two-sided markets // *Journal of the European Economic Association*. 2003. № 4. P. 990–1029; *Caillaud B., Jullien B.* Chicken and egg: Competition among intermediation service providers // *The RAND Journal of Economics*. 2003. Vol. 34. No. 2. P. 309–328; *Evans D.* The antitrust economics of multi-sided platform markets // *Yale Journal on Regulation*. 2003. Vol. 20. Iss. 2. P. 325–381; *Armstrong M.* Competition in two-sided markets // *The RAND journal of Economics*. 2006. Vol. 37. No. 3. P. 668–691; *Filistrucchi L., Geradin D., van Damme E., Affeldt P.* Market Definition in Two-Sided Markets: Theory and Practice (March 16, 2013). TILEC Discussion Paper No. 2013-009, Tilburg Law School Research Paper No. 09/2013 (available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2240850> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2240850>); *Hagiu A., Wright J.* Multi-sided platforms // *International Journal of Industrial Organization*. 2015. № 43. P. 162–174.

⁴ См.: *Шаститко А. Е., Маркова О. А.* Агрегаторы вокруг нас: новая реальность и подходы к исследованию // *Общественные науки и современность*. 2017. № 4. С. 7.

⁵ См.: *Савенков А. Н.* Новый технологический уклад и социогуманитарные вызовы // *Государство и право*. 2025. № 1. С. 28.

изложения всю совокупность таких отношений мы будем называть «отношения, возникающие в связи с функционированием и использованием цифровой платформы» или «платформенные отношения»).

Проблема видится в следующем.

1. *Сложность определения цифровой платформы.* Подходы к такому определению могут быть различными, единства здесь нет (например, в ряде работ отмечается, что в публикациях по экономике платформ не существует однозначного понимания, какой именно набор признаков экономических обменов дает основание для квалификации их в терминах платформы, а также к каким последствиям приводит выбор того или иного варианта рабочего определения⁶). Но проблема не только в экономических аспектах; удобство, техническая и экономическая (стоимость) доступность удаленного электронного взаимодействия обеспечивают его проникновение (если уже не сказать массовое распространение) во все сферы человеческой жизни, включая частную жизнь и государственное управление. Проанализировав имеющиеся подходы, мы обнаружим, что с употреблением термина «платформа» или сходных с ним рассуждают и о социальных сетях и мессенджерах, и о системах, посредством которых граждане обмениваются с государством (в лице уполномоченных органов и организаций) информацией и получают определенные услуги от государства (государственные информационные системы)⁷. Иногда создается впечатление, что термином «платформа» стремятся «маркировать» вообще любое дистанционное электронное взаимодействие посредством сети «Интернет», имеющее какой-то положительный результат (получение материального эквивалента за предоставление чего-либо; получение документа, информации; возникновение определенных эмоций у пользователя после обра-

щения к контенту и пр.) для участника такого взаимодействия⁸.

Теоретически здесь возможны два подхода: *объективный* (основанный на сформулированных и научно обоснованных критериях, позволяющих разграничивать сходные явления, институты) и подход, для квалификации которого используется понятие «волюнтаризм», — *волюнтаристский*.

Первый подход может основываться либо на применении результатов экономических исследований цифровых платформ, либо на переложении технических терминов, характеризующих взаимодействие (платформа как сайт, информационная система или как программно-аппаратный комплекс и др.), либо на смешении двух указанных подходов. Основание для второго подхода — воля создателя правовой нормы; иначе говоря, *что* посчитали платформой (в том числе цифровой), то явление и квалифицировали в таком качестве.

Помимо выбора в части указанных подходов, есть два крайне важных для политико-правовых решений вопроса:

— надо ли (и возможно ли это, кстати) вводить общее (единое для всех видов правоотношений) определение цифровой платформы или необходимо отказаться от него и исходить из приоритета функциональных (отчасти даже отраслевых) определений;

— если реализовывать второй подход, где (в каких точках) будут лежать границы, по которым пройдет дифференциация, причем с пониманием риска того, что такой подход при его некритичном использовании может привести к девальвации термина «платформа».

Второй подход (который имеет место в отечественном праве⁹), полагаем, может представлять лишь вариант временного регулирования на период, когда отношения новые и законодатель не имеет ясности в отношении того, в

⁶ См.: Шаститко А. Е., Паршина Е. Н. Рынки с двусторонними сетевыми эффектами: спецификация предметной области // Современная конкуренция. 2016. Т. 10. № 1 (55). С. 6.

⁷ Вплоть до введения сравнения с цифровой платформой самого государства. См.: Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике, одобренный Правительством РФ 23 сентября 2020 г., протокол № 36, разд. VII (от 02.10.2020, № П13-60855) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ В отечественной литературе (с опорой на ряд зарубежных источников) такой широкий подход обозначают через разделение платформ на транзакционные и нетранзакционные. Например, см.: Маслов А. О. Антимонопольные требования к функционированию цифровых платформ: правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 28–29.

⁹ См.: Габов А. В. Цифровая платформа как новое правовое явление. С. 13–82.

какой терминологии их описывать и какими методами их регулировать.

Первый подход, вне всякого сомнения, приоритетен для реализации, хотя он тоже (при наличии различных объяснений сущности платформы) — определенный выбор (так что сходство со вторым подходом здесь имеется); отметим, в частности, что выбором здесь будет и сама терминология, в которой описываются различные явления, поскольку таковая в действующем праве весьма разнообразна, притом что чаще всего описывается одно и то же явление (платформа, агрегатор, сервис, маркетплейс и т.д.).

2. *Сложность изложения правового материала*, применяемого для описания самой платформы, порядка доступа субъектов к ней, порядка совершения юридически значимых действий и их фиксации. Необходимо учесть множество сфер, в которых возможно использование платформы, и многочисленные последствия (эффекты) функционирования платформ, прежде всего влияние на конкуренцию (но не ограничиваясь им) и т.д.

Эта проблема уже не только содержательная (*что* описывать (предметная область)), но и структурная (*как* описывать, как формировать систему регулирования). Здесь перед нами возникает многовариантность решений: а) выбор одного (квазикодифицированного) акта или принятие множества актов (например, по сферам, где используются платформы)¹⁰; б) выбор структуры: отнести нагрузку по регулированию всего комплекса вопросов на уровень закона или создать сложную структуру, в которой основную роль будут играть подзаконные акты, с определением довольно значительной глубины регулирования (в части подзаконных актов, вплоть до описания пределов и форм платформенного регулирования)¹¹.

3. *Необходимость учета трансграничной специфики деятельности* многих цифровых платформ. Еще одна проблема, явно вытекающая из ранее указанных: *каким языком* следует описывать регулируемые отношения. Риск понятен: можно описать новые предметы регулирования так, что нормативный материал вряд

ли будет понятен обычному пользователю (не очень хороший пример этого — законодательство об электронной подписи).

В России к настоящему времени накоплен некоторый опыт регулирования отношений, складывающихся в связи с функционированием и использованием цифровой платформы. Этот опыт должен быть проанализирован. Анализ тем более важен, что в течение 2024–2025 гг. была предпринята попытка создать для регулирования соответствующих отношений специальный закон общего характера (исходя из названия) — «О платформенной экономике в Российской Федерации», которая закончилась принятием, однако, лишь еще одного (уже из многих) закона, в названии и содержании которого есть слово «платформа», — Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»¹² (далее — Закон об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики).

Названный Закон можно с оговоркой считать точкой отсчета для создания нового регулирования: впервые законодатель попытался урегулировать платформенные отношения, основываясь на смешении экономических разработок в области платформенной экономики и технического характера терминологии. Оговорка же состоит в том, что первоначальный «замах» на создание закона общего характера (хотя и по названию), который, видимо, по мысли его авторов, должен был быть на вершине регулирования (как своего рода общая часть кодекса), в реальности в результате обсуждения стал всего лишь частью общего несистемного регулирования платформенных отношений.

Подходы к регулированию платформенных отношений до принятия Закона об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики

При формировании планов по нормативному регулированию цифровой экономики (с 2017 г.) платформенные отношения как специаль-

¹⁰ При отказе от попыток создать общее (единое для всех видов правоотношений) определение цифровой платформы такой вариант, скорее всего, отпадет.

¹¹ Этот выбор придется делать при любом подходе: что при формировании законодательства на основе общего (единого для всех видов правоотношений) определения цифровой платформы, что при ином подходе.

¹² СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4643.

ный (отдельный) предмет (или совокупность предметов) правового регулирования не рассматривались; не предусматривалось и принятия каких-либо нормативных правовых актов, направленных на их регулирование¹³. В то же время понятия «платформа» и «цифровая платформа» с использованием различных качественных характеристик находили применение в документах стратегического планирования, концептуальных и программных документах, различных планах и дорожных картах весьма часто, притом что какого-либо определения платформы (цифровой платформы), построенного на выделенных признаках, позволяющих отличить это явление от других сходных, не существовало¹⁴.

По существу, без сознательного (закрепленного где-либо) формулирования подхода к определению цифровой платформы изначально для ее определения стал использоваться волюнтаристский подход: *если явление названо платформой (цифровой платформой), то оно*

таковой и является. При этом законодатель начиная с 2019 г. пошел по пути множественности определений платформы (по существу, с одними и теми же функциональными характеристиками) в различных законах и нормативных правовых актах (табл. 1). Так появились «инвестиционная платформа» (2019)¹⁵, «финансовая платформа» (2020)¹⁶, «электронная платформа» (2022)¹⁷, «единая цифровая платформа в сфере занятости и трудовых отношений» (2022)¹⁸, «платформа цифрового рубля» (2023)¹⁹, «цифровая платформа» (2023)²⁰ (см. табл. 1).

Приведенные определения имеют одно сходство: платформа понимается как средство, благодаря которому субъекты совершают юридически значимые действия.

А вот дальше мы видим довольно существенные различия. Так, в четырех случаях в основе определения указанного средства (платформы) лежит понятие «информационная система», которое имеет нормативное значение (ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006

¹³ См., например: Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р // СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138; План мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденный Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 18.12.2017 № 2); Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»», утвержденный президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 04.06.2019 № 7 // СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁴ Подробнее см.: Габов А. В. Цифровая платформа как новое правовое явление. С. 13–82.

¹⁵ Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418 (далее — Закон о привлечении инвестиций).

¹⁶ Статья 1 Федерального закона от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4737.

¹⁷ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018; Федеральный закон от 14.07.2022 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия отдельных положений статьи 5.1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III). Ст. 5298.

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 13.05.2022 № 867 «О единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России»» // СЗ РФ. 2022. № 21. Ст. 3446.

¹⁹ После принятия Федерального закона от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5766. О платформе цифрового рубля также см.: Вавилин Е. В. Цифровой рубль: формирование механизма правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 201–206; Хоменко Е. Г. Об особенностях функционирования платформы цифрового рубля // Хозяйство и право. 2023. № 10. С. 91–102 и другие работы.

²⁰ Статья 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434) после изменений, внесенных Федеральным законом от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»» // СЗ РФ. 2023. № 29. Ст. 5319.

Таблица 1

Определения платформ

Норма	Определение
Закон о привлечении инвестиций (ст. 2)	Инвестиционная платформа — <i>информационная система</i> в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», используемая для заключения с помощью информационных технологий и технических средств этой информационной системы <i>договоров инвестирования</i> , доступ к которой предоставляется оператором инвестиционной платформы
Закон о совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы (ст. 1)	Финансовая платформа — <i>информационная система</i> , которая обеспечивает взаимодействие финансовых организаций или эмитентов с получателями финансовых услуг (далее при совместном упоминании — участники финансовой платформы либо клиенты) посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в целях обеспечения возможности совершения <i>финансовых сделок</i> и доступ к которой предоставляется оператором финансовой платформы ²¹
Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» ²² (ст. 3)	Платформа цифрового рубля — <i>информационная система</i> , посредством которой в соответствии с правилами платформы цифрового рубля взаимодействуют оператор платформы цифрового рубля, участники платформы цифрового рубля и пользователи платформы цифрового рубля в целях совершения <i>операций с цифровыми рублями</i>
Закон о национальной платежной системе (ст. 3) ²³	Электронная платформа — финансовая платформа, <i>информационная система</i> , в которой осуществляется выпуск <i>цифровых финансовых активов</i>
Закон о защите конкуренции (ст. 4)	Цифровая платформа — программа (совокупность программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», обеспечивающей <i>совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров</i>

№ 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²⁴) как совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. Таким образом, все четыре из пяти приведенных определений указывают, что *платформа — это совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств, с помощью которых субъекты совершают юридически значимые действия*. Определение же, данное в Законе о защите конкуренции, построено совершенно иначе: здесь не используется понятие «информационная система», а говорится о программах. Различия видны и в целях: в двух случаях речь идет о возможности совершения

сделок, хотя и разных видов — «финансовых сделок» (финансовая платформа) и «сделок между продавцами и покупателями определенных товаров» (цифровая платформа), в одном используется понятие «договор» (инвестиционная платформа), еще в одном (платформа цифрового рубля) говорится об «операциях с цифровыми рублями» и, наконец, в случае с электронными платформами — о «выпуске цифровых финансовых активов». Если исключить два последних примера, то с точки зрения экономических исследований большинство (три) из названных платформ — это транзакционные платформы, хотя удивляет использование то понятия «сделка», то понятия «договор»: полагаем, что для целей антимонопольного регулирования такие различия могут иметь очень большое значение.

²¹ В редакции после изменений, внесенных Федеральным законом от 11.03.2024 № 45-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 12. Ст. 1569.

²² СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

²³ После изменений, внесенных Законом от 14.07.2022 № 331-ФЗ.

²⁴ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

При анализе определений цифровой платформы до 2025 г. (до принятия Закона об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики) следует учитывать и те определения, которые давались явлениям, сходным с платформами до степени смешения, а они между тем имели несколько иное содержание. В частности, из преамбулы Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»²⁵ после изменений, внесенных Федеральным законом от 29.07.2018 № 250-ФЗ²⁶, можно вывести, что агрегатором информации о товарах (услугах) является программа для электронных вычислительных машин и (или) сайт и (или) страница сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», которые предоставляют потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно *ознакомиться с предложением* продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), *заключить договор* купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также *произвести предварительную оплату* указанного товара (услуги) путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов. Как видно из указанного определения, агрегатор (платформа) сведен к точке входа — сайту или странице сайта. При этом определение устанавливает достаточно четкий круг возможностей (изучение информации, совершение сделок, оплата).

Из изложенного можно заключить, что вопрос о структуре регулирования платформенных отношений изначально при формировании регулирования *был решен через множественность, отсутствие единого общего закона для всех видов платформ (заметим, что только для одного вида было использовано понятие «цифровая платформа»)*. По мере

охвата правом проблем цифровизации происходило принятие специальных актов, а также внесение точечных изменений в действующие законы. Причем анализ соответствующих законов показывает, что описание и платформ, и платформенных отношений чаще всего не в полной мере коррелирует с пониманием экономического характера платформ²⁷.

В сходной логике развивалась довольно продолжительное время и законопроектная работа. Например, в сентябре 2023 г. был представлен на рассмотрение в Государственную Думу РФ проект федерального закона № 445923-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации” и в статьи 12 и 18 Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей”»²⁸. В пояснительной записке к этому проекту указано, что его цель — установление необходимого законодательного регулирования дистанционной торговли товарами с использованием цифровых платформ (маркетплейсов). Законопроект № 445923-8 получил отрицательный отзыв Правительства РФ²⁹, впоследствии ответственный комитет Государственной Думы РФ предложил его отклонить³⁰. В марте 2024 г. в Государственную Думу РФ был внесен сходный с предыдущим (но сравнительно более подробный) проект федерального закона № 568223-8 «О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации”»³¹. Предмет его регулирования по сравнению с законопроектом № 445923-8 был существенно сужен, под него подпадали только агрегаторы информации о товарах³².

²⁵ СЗ РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

²⁶ СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4839.

²⁷ Подробнее см.: Габов А. В. Правовое регулирование краудфандинга в России. Белгород : НИУ «БелГУ», 2020.

²⁸ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/445923-8> (дата обращения: 17.03.2025).

²⁹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/22ad090d-e170-42e6-8491-60561d273782> (дата обращения: 17.03.2025).

³⁰ Решение ответственного комитета Государственной Думы РФ от 22.01.2025 № 322 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/1f000db1-7d43-623c-a430-1d61f118f9db> (дата обращения: 17.03.2025).

³¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/568223-8> (дата обращения: 17.03.2025).

³² Отмечалось, что федеральный закон регулирует деятельность владельцев агрегаторов информации о товарах, продавцов и владельцев пунктов выдачи заказов по продаже товаров с использованием

Проект федерального закона «О платформенной экономике в Российской Федерации». В 2024 г. Министерством экономического развития РФ был размещен для обсуждения на информационном ресурсе <https://regulation.gov.ru/> проект федерального закона «О платформенной экономике в Российской Федерации»³³ (далее — Законопроект о платформенной экономике, Проект).

Согласно размещенной вместе с Проектом пояснительной записке (отметим, что в ней не содержится конкретного политико-правового основания разработки Проекта) новый закон должен был создать безопасную цифровую среду на цифровых платформах, а также определить соответствующие правовые условия развития и функционирования таких платформ путем установления требований к их деятельности (соответствующие положения заявлены как цели Законопроекта). Как было указано в пояснительной записке, Законопроект о платформенной экономике должен был закрепить понятийный аппарат, в частности дать определение цифровой платформы³⁴; в записке перечислялись основные положения, с точки зрения разработчиков Проекта, важные для регулирования (принципы доступа к платформе и ее использования; необходимость ведения уполномоченным органом реестра платформ; основания взаимодействия оператора и партнеров; требования к размещению карточки товара партнером и ее содержанию; процедура изменения договора между оператором и партнером; правила приостановления или ограничения доступа к личному кабинету (блокировка) и (или) прекращения размещения карточки товара; особенности взаимодейст-

вия операторов и партнеров-исполнителей, в том числе в целях ограничения гражданско-правовых отношений от трудовых; требования к логистической инфраструктуре оператора, особенности взаимодействия с пунктами выдачи заказа; необходимость информационного обмена между операторами платформ и налоговыми органами и государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства в сфере платформенной экономики в РФ).

Анализ положений пояснительной записки показывает, что, с одной стороны, *предполагалось создание основного (системообразующего) федерального закона для регулирования платформенных отношений* (чего сто́ит только название, а также указание в записке на понятия «цифровая платформа» и «платформенная экономика»).

С другой стороны, уже из детализации, которая давалась в записке, понятно, что замысел разработчиков был гораздо уже: урегулировать функционирование наиболее распространенных платформ, осуществляющих продажу товаров и оказание услуг. При этом «плыла» и терминология; например, при упоминании о необходимости ведения реестра платформ они назывались *посредническими цифровыми платформами*, и возникал вопрос, что следовало делать с регулированием иных (видимо, непосредственных) платформ, а это уже ставило под сомнение концепцию закона: ведь, исходя из иных формулировок пояснительной записки, закон должен был охватывать все цифровые платформы, с использованием которых лица осуществляют куплю-продажу товаров, выполнение работ и оказание услуг.

агрегаторов информации о товарах на территории РФ, отношения, возникающие между владельцами агрегаторов информации о товарах, продавцами и владельцами пунктов выдачи заказов в связи с осуществлением указанной деятельности, а также особенности осуществления государственного контроля (надзора) за соблюдением правил и требований, предусмотренных этим законом. Говорилось о том, что нормы закона не распространяются на отношения, связанные с организацией и осуществлением деятельности по размещению предложений на выполнение работ и (или) оказание услуг путем использования программ для ЭВМ и (или) сайтов, и (или) страниц в сети «Интернет».

Анализ этого проекта также см. в следующей работе: *Карапетян А. А. Правовое регулирование деятельности цифровых платформ и антимонопольный контроль: практика применения // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 2 (38). С. 38–45.*

³³ URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=152517> (дата обращения: 03.08.2025).

³⁴ В записке этот фрагмент выглядит следующим образом: «Проект федерального закона определяет основные понятия... Цифровая платформа — это информационная система, и (или) сайт в сети “Интернет”, и (или) программы для ЭВМ, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях распространения и обмена информацией, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг».

Наименование и предмет регулирования. Законопроект о платформенной экономике, согласно его названию, представлял собой, как уже было отмечено выше, ни много ни мало попытку создать общее регулирование для всех платформенных отношений вообще. Собственно, иначе название «О платформенной экономике в Российской Федерации» толковать сложно.

Такая попытка резко контрастирует с содержанием Проекта. Понятие «экономика» означает в самом общем виде хозяйственную деятельность, а также совокупность общественных отношений, которые складываются в системе производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг³⁵. Термин «платформенная» придает дополнительную смысловую нагрузку и означает использование платформ в экономической деятельности, а если точнее — использование особой модели экономического взаимодействия двух и более групп участников, предметом которого выступают экономически значимые блага. Соответственно, содержание Проекта должно было в полной мере отражать правовые рамки этой модели двусторонних (многосторонних) отношений; учитывать особенности правовых отношений, возникающих не только на платформе (как на цифровой площадке в сети «Интернет», где возникает и реализуется указанная выше модель платформенного взаимодействия) между ее участниками, но и вовне, принимая во внимание и частноправовые отношения — как между операторами платформ, так и между операторами платформ и третьими лицами, а также публично-правовые отношения по контролю (надзору) государственных органов за данной деятельностью.

Однако содержание Законопроекта о платформенной экономике по всем обозначенным нами выше пунктам было значительно уже его наименования и по большому счету сводилось лишь к некоторым аспектам правового регулирования посреднических цифровых платформ. Можно предположить, что таким образом (используя понятие «платформенная экономика») авторы этого Проекта пытались привязать понятие «цифровая платформа» к экономическому объяснению платформы как многостороннего рынка. Впрочем, даже если догадка верна, реа-

лизацию такой идеи вряд ли можно назвать удачной (мягко говоря).

Предмет, согласно тексту Проекта, включал в себя две сферы: во-первых, определение правовых основ платформенной экономики, во-вторых, регулирование отношений, возникающих между операторами посреднических цифровых платформ, их партнерами и пользователями в связи с продажей товаров, выполнением работ, оказанием услуг. Вместе с тем в соответствии с ч. 3 ст. 1 Проекта положения закона не должны были распространяться на отношения с участием банков, финансовых и кредитных организаций. Закономерный вопрос: каким образом создатели Проекта планировали определять правовые основы платформенной экономики, если из сферы регулирования намеренно исключили цифровые платформы банков и иных кредитных организаций, учитывая, что многие кредитные организации РФ стремятся перейти на платформенную модель взаимодействия (в последние годы почти каждый банк в России хотя бы раз упомянул о формировании экосистемы банковских услуг)?

Если в части регулирования отношений, складывающихся между операторами посреднических цифровых платформ, их партнерами и пользователями в связи с продажей товаров, выполнением работ, оказанием услуг, Проект был довольно подробен (здесь соответствие описания предмета и самого предмета имеет место), то вот первая часть обозначенного предмета регулирования — определение *правовых основ платформенной экономики* — фактически предметом (если анализировать содержание Проекта) не являлась. Указанные основы были представлены в Проекте лишь через трактовку некоторых терминов и ст. 3, которая должна была определять, согласно ее названию, «принципы и правовое регулирование платформенной экономики в Российской Федерации». В реальности эта статья включала несколько частей. В первой давались принципы правового регулирования отношений между лицами, осуществляющими использование цифровых платформ, т.е. не отношений, в которых стороной является платформа, а отношений субъектов, ее использующих. Проект указывал шесть таких принципов³⁶. Анализ этих «прин-

³⁵ См.: Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М. : Инфра-М, 2007.

³⁶ Автономия воли, в том числе свобода в заключении гражданско-правовых договоров посредством цифровых платформ; добросовестность; имущественная самостоятельность; сочетание нормативного

ципов» показывает, что перед нами переписывание в основном хорошо известных основных начал гражданского законодательства. Во второй части проектируемой статьи давался перечень уже иных принципов, на основе которых осуществляется предоставление доступа к посреднической цифровой платформе, а также ее использование. С этими принципами³⁷ отчасти можно было бы и согласиться, однако они касались исключительно посреднических платформ, т.е. относились только к части платформенной экономики, и основой всей платформенной экономики никак быть не могли. Третья часть включала положение о том, что правовое регулирование платформенной экономики в Российской Федерации основывается на Конституции РФ и федеральных конституционных законах, осуществляется в соответствии

с самим федеральным законом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами РФ. Очевидно, что если бы этой части не было, то регулирование так бы и строилось подобным образом, т.е. назвать это положение *основой платформенной экономики* нельзя.

Структура Законопроекта о платформенной экономике. Проект включал 21 статью, статьи сводились в пять глав. Для оценки этой структуры можно сравнить ее с уже имевшейся к тому моменту структурой Закона о привлечении инвестиций (сравнение с этим Законом мы считаем корректным по той причине, что он был направлен на регулирование платформенных отношений, хотя и с известной спецификой, закрепленной в наименовании платформы, — «инвестиционная») (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение структуры Закона о привлечении инвестиций и Законопроекта о платформенной экономике

Параметры	Закон о привлечении инвестиций	Законопроект о платформенной экономике
Количество статей	26	21
Количество глав	6	5
Глава 1	Общие положения	Общие положения
Глава 2	Оператор инвестиционной платформы	Взаимодействие оператора и партнеров
Глава 3	Порядок и условия инвестирования с использованием инвестиционной платформы	Особенности взаимодействия операторов и партнеров-исполнителей, являющихся физическими лицами
Глава 4	Регулирование деятельности по организации привлечения инвестиций, контроль и надзор за деятельностью по организации привлечения инвестиций	Логистическая инфраструктура оператора
Глава 5	О внесении изменений в отдельные законодательные акты	Заключительные положения
Глава 6	Заключительные положения	—

правового и договорного регулирования отношений, возникающих между оператором, партнером и пользователем в связи с продажей товаров, выполнением работ и оказанием услуг; обеспечение безопасных условий продажи товаров, выполнения работ и оказания услуг на посреднических цифровых платформах, защиты прав потребителей соответствующих товаров, работ и услуг; обеспечение права каждого из участников отношений, являющихся предметом регулирования закона, на защиту своих законных интересов.

³⁷ Равенство, в том числе равенство технических возможностей и информационного обеспечения использования посреднической цифровой платформы; прозрачность (открытость), запрет дискриминации и недопустимости ограничения свободного доступа лиц к посреднической цифровой платформе, за исключением случаев, предусмотренных законодательством РФ.

Как видим, разница в количественных характеристиках (число глав и статей) несущественная.

При этом вызывало вопросы отсутствие в Законопроекте о платформенной экономике специальной структурной части (главы), касающейся внесения изменений в иные законодательные акты (которая есть в Законе о привлечении инвестиций), учитывая, что проект частично забирал из них регулирование (например, возникал бы вопрос о соотношении нового регулирования с нормами Закона о защите прав потребителей в части агрегаторов).

Не вполне удачное проектное правовое решение — отсутствие специальных структурных частей, посвященных отношениям с пользователями и государственному регулированию (положения о последнем из названных предметов оказались разбросанными по нескольким главам, причем основная часть почему-то включалась (ст. 19 и 20) в гл. 5 «Заключительные положения»).

Значительно различается и содержание глав. Например, сравним содержание гл. 1 «Общие положения» действующего Закона о привлечении инвестиций и Законопроекта о платформенной экономике (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение содержания главы 1 Закона о привлечении инвестиций и главы 1 Законопроекта о платформенной экономике

Закон о привлечении инвестиций	Законопроект о платформенной экономике
Глава 1. Общие положения	Глава 1. Общие положения
Статья 1. Предмет регулирования настоящего Федерального закона	Статья 1. Предмет регулирования, цель и сфера применения настоящего Федерального закона
Статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе	Статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе
Статья 3. Деятельность по организации привлечения инвестиций	Статья 3. Принципы и правовое регулирование платформенной экономики в Российской Федерации
Статья 4. Правила инвестиционной платформы	Статья 4. Посреднические цифровые платформы
Статья 5. Способы инвестирования с использованием инвестиционной платформы	—
Статья 6. Ограничения на привлечение инвестиций	—
Статья 7. Особенности инвестирования физическими лицами	—
Статья 8. Утилитарные цифровые права. Особенности совершения сделок с утилитарными цифровыми правами и цифровыми финансовыми активами в инвестиционной платформе и через оператора обмена цифровых финансовых активов	—
Статья 9. Цифровые свидетельства	—

Здесь имеется некоторая количественная разница (девять статей и четыре); она вызвана частично недостатками действующего Закона о привлечении инвестиций, который включает как минимум два «инородных тела» — ст. 8 и 9³⁸, а также спецификой предметов регулирования. Однако важнее иное: при сходстве отношений, регулируемых Законом о привлечении инвестиций, и тех отношений, которые предполагалось регулировать Законопроектом о платформенной экономике, можно указать и на весьма существенные различия в содержании:

— в Законопроекте о платформенной экономике, как видно, отсутствовала специальная структурная часть, касающаяся правил платформы. Причем интересно, что весьма слабое регулирование в части правил платформы (значение, содержание и пр.) — это была проблема всего Проекта;

— статья 3 Проекта — это предмет совершенно иного регулирования, ведь Законопроект о платформенной экономике не касался платформенной экономики в целом, а регулировал только ее отдельную часть — посредни-

³⁸ Это уже отмечалось в исследованиях. См.: Габов А. В. Правовое регулирование краудфандинга в России. С. 25.

ческие платформы (отношения, возникшие в связи с их использованием);

— статья 4 Проекта содержала противоречие между названием и содержанием: из названия следовало, что в этой статье будет раскрыто всё, что касается посреднических цифровых платформ, тогда как в реальности содержанием стали отдельные вопросы государственного регулирования.

Остальные главы по содержанию прямо сопоставлять смысла не имеет. Дело в том, что главы 2³⁹, 3⁴⁰ и 4⁴¹ Проекта имели, по существу, один предмет регулирования — отношения оператора и партнера.

В отличие от Закона о привлечении инвестиций Законопроект о платформенной экономике не содержал специальной структурной части об операторе посреднической платформы, где бы нормативно устанавливались его права и обязанности, а также особенности юридической ответственности; не было никаких упоминаний и о требованиях к цифровой посреднической платформе.

В целом признать структуру Законопроекта о платформенной экономике удачной нельзя, в этой части Проект проигрывал в логичности изложения даже не вполне удачному по структуре Закону о привлечении инвестиций, имея явный приоритет (перекос даже) в регулировании отношений оператора и партнера.

Терминологический аппарат. Используемая в Проекте терминология в целом отражала проблемы структуры и предметных областей его регулирования, даже если принимать

во внимание функциональный («для целей настоящего Федерального закона») характер определений, данных в ст. 2 Законопроекта о платформенной экономике. С одной стороны, часть определений в этой статье — попытка описания новой реальности и ее единообразного понимания для целей использования и применения норм Проекта, когда они стали бы законом. Говоря иначе, раскрывается значение определенного понятия, которое многократно используется в законе, чтобы у участников отношений не было сомнений в том, что это понятие обозначает. С другой стороны, часть определений не имела никакой связи с основным содержанием Проекта и не несла по большому счету никакой регуляторной нагрузки (например, определение платформенной экономики).

Другая проблема — это содержание определений. Такое содержание в идеале должно иметь под собой экономическую основу, даже если среди экономистов в силу новизны явления нет единства в подходах. Между тем уже при анализе ключевых определений мы видим такое их изложение, которое не позволило бы при применении закона однозначно выделить те или иные явления. Имевшиеся проблемы с определениями носили и концептуальный, и технический характер.

В качестве примера концептуальных проблем возьмем проектировавшееся определение цифровой платформы⁴². С одной стороны, это определение *в части указания на взаимодействие неограниченного круга лиц* — логич-

³⁹ Содержит девять статей (Статья 5. Договор между оператором и партнером. Проверка сведений о лице, имеющем намерение стать партнером ; Статья 6. Предоставление партнеру доступа к посреднической цифровой платформе. Обмен юридически значимыми сообщениями ; Статья 7. Размещение карточки товара, внесение изменений в карточку товара ; Статья 8. Предоставление скидок на товары, работы, услуги ; Статья 9. Поисковая выдача ; Статья 10. Предоставление сведений оператором ; Статья 11. Изменение договора между оператором и партнером ; Статья 12. Ограничение доступа к личному кабинету. Прекращение и ограничение размещения карточки товара ; Статья 13. Рассмотрение жалоб (разрешение споров) на посреднической цифровой платформе).

⁴⁰ Содержит три статьи (Статья 14. Взаимодействие операторов и партнеров-исполнителей, являющихся физическими лицами ; Статья 15. Права и обязанности партнера-исполнителя при взаимодействии с оператором ; Статья 16. Права и обязанности оператора при взаимодействии с партнером-исполнителем).

⁴¹ Содержит две статьи (Статья 17. Общие положения о логистической инфраструктуре оператора ; Статья 18. Пункты выдачи заказов).

⁴² Определялась как «информационная система и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг».

ное следствие экономических исследований. С другой — указания на круг лиц явно недостаточно для отграничения платформы от иной формы взаимодействия. Кроме того, при таком подходе возникали вопросы, во-первых, о *полном смешении этого определения с определением агрегатора в Законе о защите прав потребителей*, во-вторых, о явном противоречии с подходами к определению платформ в иных законах (см. выше). При анализе определения и содержания Проекта возникал вопрос о том, являются ли частью платформы объекты логистической инфраструктуры (из определения этого не следовало, но текст Проекта закона прямо указывал на это).

Еще пример проявления такой же проблемы — определение посреднической цифровой платформы⁴³. Здесь следует обратить внимание на ст. 4 Законопроекта о платформенной экономике, в которой прямо указывается, что на подзаконном уровне *еще только предстоит* установить «критерии отнесения цифровых платформ к посредническим цифровым платформам» и «порядок выявления посреднических цифровых платформ». Вопрос: *зачем тогда давать определение в законе, если реальные критерии (собственно определение платформы) будут даны на подзаконном уровне?* Какова ценность такого определения в законе и его практическая полезность? Еще один пример отражения этой проблемы — определение оператора посреднической цифровой платформы⁴⁴. Если исходить из

указанного определения, операторами таких платформ могли быть все виды юридических лиц — как коммерческие, так и некоммерческие организации (причем любые).

Технические ошибки можно продемонстрировать на примере понятия «автоматизированная система»⁴⁵. Судя по всему, разработчики Проекта соединили здесь определения *автоматизированной и автоматической систем* (напомним, что, согласно действующему с 1 января 2022 г. ГОСТ Р 59853-2021⁴⁶, автоматизированная система предполагает *непосредственное участие человека*⁴⁷).

Договоры, заключаемые в рамках посреднической цифровой платформы. Вопросы договорного регулирования в Проекте, как это ни странно (учитывая наличие и опыт применения Закона о привлечении инвестиций), были урегулированы и слабо, и противоречиво. В качестве примера приведем договор оператора и партнера. Возникали вопросы, во-первых, о значении и роли в договорном регулировании правил платформы, во-вторых, о том, как заключается такой договор. Так, в ст. 5 Проекта указывалось, что такой договор мог быть заключен в электронной форме на посреднической цифровой платформе (перечислялось его содержание), а уже в ст. 6 — что предоставление партнеру доступа к личному кабинету на посреднической цифровой платформе осуществляется на основании договора между оператором и партнером *путем регистрации партнера на такой платформе*.

⁴³ Определялась как «цифровая платформа, обеспечивающая в совокупности взаимодействие оператора, партнеров и пользователей в целях заключения гражданско-правовых договоров, а также предоставляющая техническую возможность размещения заказов и (или) карточек товаров, совершения сделок между партнерами и пользователями, осуществления оплаты товара (работы, услуги) пользователем в пользу партнера и включенная в реестр посреднических цифровых платформ».

⁴⁴ Согласно формулировке Законопроекта о платформенной экономике это «юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющие эксплуатацию посреднической цифровой платформы и оказывающие услуги, связанные с организацией взаимодействия партнеров и пользователей на посреднической цифровой платформе».

⁴⁵ Определяется как «информационная технология, используемая оператором для организации взаимодействия пользователей и партнеров и принятия им решений без участия человека».

⁴⁶ Национальный стандарт РФ. ГОСТ Р 59853-2021 «Информационные технологии. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Автоматизированные системы. Термины и определения», утвержденный приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 19.11.2021 № 1520-ст // URL: <https://docs.cntd.ru/document/727263805> (дата обращения: 28.02.2025).

⁴⁷ То есть именно человек (персонал автоматизированной системы) обеспечивает правильность функционирования автоматизированной системы.

Закон об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики: анализ, выводы и пути дальнейшего развития

Законопроект о платформенной экономике в ходе его обсуждения трансформировался в проект федерального закона «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» — именно под таким названием этот проект (№ 959244-8⁴⁸) и был внесен Правительством РФ в Государственную Думу Федерального Собрания РФ; по результатам его рассмотрения принят Закон об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики, который имеет значительное сходство с положениями Законопроекта о платформенной экономике (соответственно, сохранив «генетически» множество проблем этого Проекта), но и ряд довольно существенных отличий.

Наименование, предмет регулирования (ст. 1). Наименование Закона претерпело существенное, мы бы даже сказали концептуальное, изменение: «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации».

С одной стороны, такое изменение можно признать положительным: как уже отмечалось, название Проекта абсолютно не соответствовало его содержанию, ибо никаким правовым актом о «платформенной экономике» Законопроект о платформенной экономике, конечно, не был. Исходя из этого, отход от попыток охватить названием всю платформенную экономику (что бы под ней ни понималось) может быть одобрен.

С другой стороны, и название действующего Закона — «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» — также не в полной мере отражает его содержание. В частности, статья 1, описывая предмет правового регулирования, по-прежнему указывает, что этот Закон ни много ни мало «определяет правовые основы платформенной экономики в Российской Федерации». Остались в Законе и определения платформенной экономики и цифровой платформы; осталась и статья 3, закрепляющая принципы правового регулирования платформенной экономики в РФ; изменилось наименование ст. 4 Закона, в которой теперь говорится о цифровой платформе в целом, — причем непонятно зачем, поскольку Закон касается

регулирования платформенных отношений, возникающих в связи с использованием только посреднических цифровых платформ. В свете изложенного считать удачным название принятого Закона нельзя.

При анализе предмета (ст. 1) обращает на себя внимание также указание на цели Закона об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики. Отметим, что эти цели носят общий характер и слабо связаны с ядром регулирования — посредническими платформами; они смотрятся оторванными от текста Закона и не находят в нем развития. Например, одной из целей объявлено «обеспечение баланса экономических интересов хозяйствующих субъектов, функционирующих в сфере платформенной экономики...». Если анализировать структуру Закона (см. ниже) и его содержание, то никакой ясности в части круга субъектов не увидим, т.е. непонятно, о балансе интересов кого конкретно идет речь.

Хотелось бы обратить внимание на перечень изъятых из регулирования отношений; этот перечень обширен и несколько отличается от положений Законопроекта о платформенной экономике (табл. 4).

Перечень изъятий стал более обширным, при этом формулировки изъятий в Законе об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики порождают вопросы.

Модель изъятия построена следующим образом: во-первых, указано на нераспространение Закона на «отношения, связанные...», во-вторых, отмечено нераспространение положений Закона на отдельных «операторов». Почему избрана такая модель — неясно. Однако анализ показывает, что из-под действия Закона пытались вывести: деятельность информационных ресурсов, которые распространяют только свои товары и услуги, т.е. не являются посредниками (с этим следует согласиться), а также деятельность разного рода посредников и государственных органов (организаций), обеспечивающих сходную с посредниками деятельность (площадки для заключения государственных контрактов) и функционирование государственных информационных систем. Первую часть названных изъятий можно поддержать, а вот изъятие в части операторов государственных информационных систем нам кажется неудачным, поскольку их деятельность к платформенной экономике никак не относится. В сущности,

⁴⁸ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/959244-8> (дата обращения: 06.09.2025).

**Сравнение содержания Законопроекта о платформенной экономике
и Закона об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики
в части изъятий (предмет регулирования)**

Законопроект о платформенной экономике (ст. 1)	Закон об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики (ст. 1)
3. Положения настоящего Федерального закона не применяются к отношениям, связанным с организацией и осуществлением деятельности аудиовизуальных сервисов, организаций финансового рынка, банков и иных кредитных организаций	3. Положения настоящего Федерального закона не применяются к отношениям, связанным: 1) с организацией и осуществлением деятельности аудиовизуальных сервисов, деятельности лиц, являющихся кредитными организациями, некредитными финансовыми организациями, а также лиц, оказывающих профессиональные услуги на финансовом рынке; 2) с предоставлением лицензии на использование программ для электронных вычислительных машин, баз данных посредством программы для электронных вычислительных машин, которая предназначена для поиска, просмотра и приобретения указанных программ, баз данных; 3) с распространением исключительно товаров, услуг, принадлежащих владельцам информационных ресурсов
4. Положения настоящего Федерального закона не распространяются на операторов государственных информационных систем, а также на операторов электронных площадок, функционирующих в соответствии с законодательством РФ о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, законодательством РФ в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, законодательством РФ о несостоятельности (банкротстве) или законодательством РФ о приватизации	4. Действие положений настоящего Федерального закона не распространяется на операторов инвестиционных платформ, операторов государственных и муниципальных информационных систем, операторов иных информационных систем (информационных ресурсов), создаваемых в соответствии с федеральными законами, на операторов электронных площадок и операторов специализированных электронных площадок, функционирующих в соответствии с законодательством РФ о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, законодательством РФ в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, законодательством РФ о несостоятельности (банкротстве) или законодательством РФ о приватизации

всего этого можно было бы избежать, если бы и название, и описание предмета Закона были изложены корректно — о посреднических платформах, а текст Закона содержал бы корректное определение таких платформ. В целом такой перечень изъятий косвенно отражает отмеченную выше проблему — неопределенность смысла,

закладываемого в понятие «платформа» при использовании его в нормативных актах.

О структуре. Для оценки структуры Закона об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики сравним ее со структурой Законопроекта о платформенной экономике (табл. 5).

Таблица 5

Сравнение содержания структуры Законопроекта о платформенной экономике и Закона об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики

Параметры	Законопроект о платформенной экономике	Закон об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики
Количество глав	5	5
Количество статей	21	23 (увеличение на две)
Глава 1	Общие положения	Общие положения
Статья 1	Предмет регулирования, цель и сфера применения настоящего Федерального закона	Предмет регулирования, <i>цели</i> и сфера применения настоящего Федерального закона
Статья 2	Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе	Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе
Статья 3	Принципы и правовое регулирование платформенной экономики в Российской Федерации	<i>Принципы правового регулирования платформенной экономики в Российской Федерации</i>
Статья 4	Посреднические цифровые платформы	<i>Цифровая платформа. Реестр посреднических цифровых платформ</i>
Глава 2	Взаимодействие оператора и партнеров	Взаимодействие оператора, партнеров и владельцев пунктов выдачи заказов
Статья 5	Договор между оператором и партнером. Проверка сведений о лице, имеющем намерение стать партнером	Договор между оператором и партнером <i>или владельцем пункта выдачи заказов</i> . Проверка сведений о лице, имеющем намерение стать партнером <i>или владельцем пункта выдачи заказов</i>
Статья 6	Предоставление партнеру доступа к посреднической цифровой платформе. Обмен юридически значимыми сообщениями	Предоставление партнеру, <i>владельцу пункта выдачи заказов</i> доступа к посреднической цифровой платформе. Обмен юридически значимыми сообщениями
Статья 7	Размещение карточки товара, внесение изменений в карточку товара	Размещение карточки товара, внесение изменений в карточку товара
Статья 8	Предоставление скидок на товары, работы, услуги	<i>Особенности продажи отдельных видов товаров</i>
Статья 9	Поисковая выдача	<i>Предоставление скидок на товары</i>
Статья 10	Предоставление сведений оператором	<i>Поисковая выдача</i>
Статья 11	Изменение договора между оператором и партнером	<i>Предоставление сведений оператором</i>
Статья 12	Ограничение доступа к личному кабинету. Прекращение и ограничение размещения карточки товара	<i>Изменение договора между оператором и партнером, договора между оператором и владельцем пункта выдачи заказов</i>
Статья 13	Рассмотрение жалоб (разрешение споров) на посреднической цифровой платформе	<i>Ограничение и прекращение размещения карточки товара. Ограничение доступа к личному кабинету</i>
Статья 14	—	Рассмотрение жалоб (разрешение споров) на посреднической цифровой платформе
Глава 3	Особенности взаимодействия операторов и партнеров-исполнителей, являющихся физическими лицами	Особенности взаимодействия операторов, пользователей-заказчиков и партнеров-исполнителей, являющихся физическими лицами
Статья 14	Взаимодействие операторов и партнеров-исполнителей, являющихся физическими лицами	—

Статья 15	Права и обязанности партнера-исполнителя при взаимодействии с оператором	<i>Заключение гражданско-правовых договоров с партнерами-исполнителями, являющимися физическими лицами</i>
Статья 16	Права и обязанности оператора при взаимодействии с партнером-исполнителем	<i>Права и обязанности партнера-исполнителя, являющегося физическим лицом, при взаимодействии с оператором</i>
Статья 17	—	<i>Права и обязанности оператора при взаимодействии с партнером-исполнителем, являющимся физическим лицом</i>
Глава 4	Логистическая инфраструктура оператора	Логистическая инфраструктура оператора
Статья 17	Общие положения о логистической инфраструктуре оператора	—
Статья 18	Пункты выдачи заказов	Общие положения о логистической инфраструктуре оператора
Статья 19	—	Пункты выдачи заказов
Глава 5	Заключительные положения	Заключительные положения
Статья 19	Информационный обмен с налоговыми органами	—
Статья 20	Государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства в сфере платформенной экономики в РФ	Информационное взаимодействие с налоговыми органами
Статья 21	Порядок вступления в силу настоящего Федерального закона	Государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства в сфере платформенной экономики в РФ
Статья 22	—	<i>Порядок применения мер понуждения к исполнению иностранными операторами требований настоящего Федерального закона</i>
Статья 23	—	Вступление в силу настоящего Федерального закона

Как видно из таблицы, радикального изменения структура Закона по сравнению с проектом не претерпела; некоторым изменениям подверглись наименования глав и статей; произошло небольшое перераспределение статей между главами. Из положительного нельзя не отметить появление норм, учитывающих трансграничный характер действия платформ (ст. 22), хотя в целом существенного улучшения структуры Закона не наблюдается. Не исключены лишние части (о платформенной экономике). В структуре недостаточно полно уделено внимание договорным отношениям между оператором и пользователями, а также самими пользователями посреднической цифровой платформы. Не выделена специальная структурная единица (глава), касающаяся оператора посреднической платформы. Отсутствует

отдельная часть (глава) о государственном регулировании отношений с использованием посреднических платформ (включая контроль и надзор за ними).

О терминологии (отдельных вопросах) Закона об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики. К сожалению, многие ранее высказанные замечания относительно используемой терминологии сохранились. Остались понятия (либо их разъяснение), не имеющие отношения к предмету регулирования (платформенная экономика, цифровая платформа).

Понятие платформенной экономики охватывает теперь не только имущественные, но и организационные отношения. При этом законодатель сделал акцент на их «совокупности»⁴⁹. Уяснить цель таких изменений весьма сложно,

⁴⁹ «Платформенная экономика — совокупность организационных и имущественных отношений, складывающихся в результате взаимодействия неограниченного круга лиц посредством цифровых платформ для осуществления предпринимательской деятельности или в иных целях, в том числе не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности».

учитывая, что Закон об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики никакой общей части правового регулирования той самой платформенной экономики не составляет, а само определение платформенной экономики носит абсолютно функциональный характер (т.е. используется лишь для целей этого Закона).

Не в полной мере удачным представляется определение цифровой платформы. Законодатель включил в него все известные ему технические явления, которые могут иметь прямое или косвенное отношение к платформе: здесь присутствуют⁵⁰ и информационные системы, и сайты в сети «Интернет», и программы для ЭВМ. Следуя такой логике, сюда же можно было бы отнести и сайты, которые функционируют вне сети «Интернет», т.е. в корпоративной (локальной) сети. Ведь они тоже могут быть цифровыми платформами? Одновременно оставлен открытым вопрос об объектах логистической инфраструктуры: согласно определению, они по-прежнему не составляют платформы, а из текста Закона следует обратное.

Проблема, однако, не только в содержании определения — проблема в том, что благодаря Закону появилось еще одно (наряду с данным в ст. 4 Закона о защите конкуренции) определение понятия «цифровая платформа»; причем определения эти различаются. Это происходит на фоне того, что никаких переходных положений в Законе об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики нет, отсутствует в нем и часть, которая указывала бы на судьбу иных определений платформ. Отметим, что определение Закона весьма сходно с определением агрегатора, вытекающим из Закона о защите прав потребителей; но вопрос о соотношении понятия «цифровая платформа», данного в Законе об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики, и понятия «агрегатор» нигде не решен.

В Законе об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики появились и новые определения.

Например, владелец цифровой платформы определен как лицо, обеспечивающее организацию взаимодействия пользователей цифро-

вой платформы, в том числе самостоятельно и по своему усмотрению определяющее цели и порядок использования цифровой платформы, включая порядок размещения информации на такой платформе, с учетом положений, предусмотренных Законом об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики. Интересно, что в Законопроекте о платформенной экономике этой фигуре (владельцу) такого внимания не уделялось. Логика изменения понятна: Закон о защите конкуренции (и не только) указывает на владельца цифровой платформы, соответственно, появление этой фигуры — владельца — связывает новый Закон с иным отраслевым регулированием. Но сделано это не в полной мере удачно. Так, в Законе об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики говорится об обязанностях владельца цифровой платформы (не посреднической, а любой); при этом непонятно, распространяется ли круг таких обязанностей на любых владельцев любых цифровых платформ (а не только посреднических, на регулирование которых и направлен новый Закон). Еще вопрос: касается это регулирование только тех платформ, которые названы иными законами *цифровыми*, или оно касается владельцев иных платформ, которые согласно специальным законам не имеют в своем названии слова «цифровая» (финансовая, электронная и пр.)?

Следующий вопрос, который напрашивается при анализе норм Закона об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики, — это разграничение функций, прав и обязанностей владельца и оператора. Например, оператор посреднической цифровой платформы определяется как лицо, с которым владелец платформы заключил договор об эксплуатации посреднической цифровой платформы; далее, когда описывается договорная модель, говорится о договорах разных лиц с оператором (например, при формулировании понятия «владелец пункта приема и выдачи заказов»). Так должен ли владелец всегда иметь договор с оператором (с иным лицом) или владелец и оператор могут совпадать в одном лице? Если все-таки перед нами разные лица, то хотелось бы понять, как владельцу исполнять обязан-

⁵⁰ Дается следующее определение: «цифровая платформа — информационная система, и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг».

ность, сформулированную в ст. 4 Закона об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики — «обеспечить равный и беспрепятственный доступ неограниченного круга лиц к цифровой платформе, возможность ознакомления с правилами пользования цифровой платформой, в том числе посредством предоставления свободного и открытого доступа к правилам пользования цифровой платформой», — при наличии оператора?

Сохранилась некоторая двойственность с определением посреднической цифровой платформы (ст. 2): цифровая платформа, обеспечивающая взаимодействие оператора, партнеров и пользователей в целях заключения гражданско-правовых договоров, предоставляющая технические возможности размещения заказов и (или) карточек товаров, работ, услуг, совершения сделок, осуществления оплаты товара, работы, услуги пользователем в пользу партнера, соответствующая дополнительным критериям, установленным на основании ч. 4 ст. 4 этого же Закона, и включенная в реестр посреднических цифровых платформ в соответствии с ч. 2 ст. 4 этого Закона. Таким образом, указанная платформа имеет несколько основных признаков, а также дополнительных признаков (без них первая часть определения представляет собой просто набор слов), кроме того, необходимо, чтобы платформа была включена в реестр посреднических платформ. К этому определению имеются существенные замечания после прочтения ст. 4 Закона об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики. Данная статья (в Законопроекте о платформенной экономике, как видно из табл. 5, она носила несколько иное название) устанавливает такую модель регулирования: цифровая платформа в случае соответствия критериям, указанным в п. 9 ст. 2 Закона (определение), а также дополнительным критериям, установленным на основании ч. 4 ст. 4, признается посреднической цифровой платформой с момента включения в реестр посреднических цифровых платформ федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством РФ на ведение такого реестра. Получается, в силу наличия в определении дополнительных критериев и

включения в реестр, какая-то из двух норм (ст. 2 и 4) содержит излишнее регулирование. Еще один вопрос касается дополнительных критериев: что это за критерии, которые нельзя сформулировать непосредственно в самом законе и, самое главное, какова ценность таких «критериев», если они не работают без включения в реестр? Удивление вызывает норма о реестре посреднических цифровых платформ. Согласно п. 3 ст. 4 Закона об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики правила формирования и ведения реестра посреднических цифровых платформ устанавливаются Правительством РФ. Так почему же ведется реестр самих платформ, а не реестр их операторов (как это было ранее уже сделано, например, в Законе о привлечении инвестиций) или реестр владельцев и операторов, учитывая появление в Законе об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики понятия «владелец цифровой платформы» и перечня его обязанностей (а не обязанностей платформы)?

Стоит обратить внимание и на использование в терминологическом аппарате понятий «партнер посреднической цифровой платформы», «партнер-продавец», «партнер-исполнитель». Конечно, для описания новых видов общественных отношений законодатель вправе использовать и новую терминологию, однако все-таки таковая должна быть релевантна. Слово «партнер» предполагает какую-то совместную деятельность. Это его основное значение с точки зрения русского языка⁵¹. Совместная деятельность всегда носит целевой характер, она на что-то направлена, соответственно, на это нечто направлена деятельность всех ее участников. Какую совместную деятельность ведут владелец (оператор) цифровой платформы и его т.н. партнеры? Из текста Закона это совершенно неясно.

С позиции антимонопольного регулирования хорошо бы внести ясность в определения *владельца пункта приема и выдачи заказов и логистической инфраструктуры оператора*. Первое однозначно исключает возможность оператора владеть таким пунктом, поскольку именно с оператором, согласно этому определению, владелец заключает договор⁵² (хотя не исключается такое для владельца, что, вообще

⁵¹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 494.

⁵² Владелец пункта приема и выдачи заказов — юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, заключившие договор с оператором и на законном основании осуществляющие в пункте выдачи заказов деятельность по приемке, хранению, доставке, выдаче, отправлению и возврату товаров, зака-

говоря, странно, если не сказать больше), а когда дается второе определение⁵³, указывается, что в состав такой инфраструктуры оператора входят «склады, распределительные центры, пункты выдачи заказов и иные необходимые для выдачи и (или) доставки товаров объекты, принадлежащие оператору, владельцу пункта выдачи заказов или привлекаемым ими третьим лицам на праве собственности или ином законном основании».

О договорах, заключаемых при использовании посреднической цифровой платформы.

Анализируя текст Закона, можно выделить несколько видов договорных связей между участниками посреднической цифровой платформы: владельцем посреднической платформы, оператором платформы, партнерами, партнерами-исполнителями (физическими лицами), владельцами пунктов выдачи заказов, пользователями.

В числе первых Закон называет договор между владельцем посреднической цифровой платформы и ее оператором; в тексте он поименован как *договор об эксплуатации посреднической цифровой платформы*. Правовая природа указанного договора в Законе не раскрывается. Вместе с тем, чтобы правильно квалифицировать этот договор, нужно очень точно представлять, кому и что конкретно передается в эксплуатацию: вещь, сайт, программа для ЭВМ, информационная система вместе с базой данных или что-то другое. Если платформу понимать как программу для ЭВМ, т.е. как результат интеллектуальной деятельности, то права на нее передаются по лицензионному договору. В таком случае владелец платформы будет ее лицензиаром, а оператор — лицензиатом⁵⁴.

Но как тогда быть с термином «владелец платформы», который зафиксирован в ст. 2 Закона? Если анализировать содержание Закона, то, как мы уже отметили, платформа включает (может включать) и объекты логистической инфраструктуры, а также совокупность прав и обязанностей в отношениях с лицами, которые обеспечивают доставку. Таким образом, полу-

чается, что в эксплуатацию могут передаваться и реальные объекты (склады)⁵⁵. Выходит, что указанный договор является смешанным, но по такой логике следует обозначить, что в нем «смешивается», — именно это и надо было сделать в Законе, однако законодатель решил ограничиться указанием на договор, соединив это слово со словом «эксплуатация», в результате чего создал некоторую неопределенность в регулировании. Эта неопределенность усиливается, если анализировать ст. 4 Закона об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики, в соответствии с которой предусмотрена обязанность владельца предоставить беспрепятственный доступ неограниченному кругу лиц к *правилам платформы*. Получается, что даже если владелец передал платформу в эксплуатацию оператору, то всё равно именно он (а не оператор) обязан предоставить доступ к правилам посреднической платформы. Интересно, что в Законе не закрепляются правила о том, кто именно (владелец, оператор) разрабатывает правила платформы, кто и каким образом их утверждает и, самое главное, какова правовая природа правил платформы. При этом, исходя из текста Закона, правила посреднической платформы не могут быть однозначно квалифицированы как локальный акт юридического лица: из содержания ст. 2 мы видим, что владельцем посреднической платформы вправе быть не только юридическое, но и физическое лицо.

Пункт 1 ст. 5 Закона предусматривает, что взаимодействие оператора с одной стороны и партнеров и владельцев пунктов выдачи заказов с другой стороны осуществляется на *основе договора*. К сожалению, ясности относительно природы этого договора после прочтения текста Закона не возникает. В том, что такой договор является смешанным, сомнений нет. Удивляет юридическая техника. Закон использует конструкцию «условия договора между оператором и партнером или владельцем пункта выдачи заказов должны в том числе предусматривать...» и далее без разделения

занных пользователем-покупателем на посреднической цифровой платформе, а также иные действия, направленные на совершение сделок, проведение расчетов или осуществление финансовых операций между пользователем, оператором и (или) партнером.

⁵³ Его содержание в контексте гл. 4 Закона требует отдельного анализа в целом, причем в контексте антимонопольного регулирования по большей части.

⁵⁴ См.: Саяпин С. П. Гражданско-правовое регулирование инвестиционных отношений с использованием цифровых платформ : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. М., 2024. С. 148.

⁵⁵ О платформе как объекте прав см.: Филиппова С. Ю., Харитонова Ю. С. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения // Правоведение. 2025. № 1. С. 60.

особенностей отношений между оператором и партнером, а также оператором и владельцем пункта выдачи заказов перечисляет 11 таких условий. Между тем, если внимательно проанализировать ст. 12, то мы обнаружим, что к числу обязательных можно отнести и иные условия. Очевидно, что договорные модели взаимодействия участников платформенных отношений надо регулировать иначе: разделять описание договора оператора и партнера и договора оператора с владельцем пункта выдачи заказов, устанавливая существенные условия, а также те условия, которые законодатель хотел бы включить в текст и того договора, и другого.

Заключение и выводы

Основная проблема отечественного законодательства применительно к регулированию платформенных отношений — это отсутствие ясности касательно понятия «платформа» («цифровая платформа»). Уклоняясь от определения сущности платформы, мы лишь множим различные определения (чего стоит существование теперь двух определений цифровой платформы: в Законе о защите конкуренции и Законе об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики), что не вносит определенности в регулирование, создает проблемы для квалификации отношений как для пользователей, так и для государственных органов, судов.

Частично эта проблема носит объективный характер: новизна отношений до сих пор присутствует — тематике платформ не так много лет. И всё же, как думается, уже накоплен опыт в регулировании, имеются довольно интересные аналитические материалы уполномоченных государственных органов⁵⁶, очень удачные примеры правоприменения (см. судебные акты по делам № А40-19473/2021 и № А40-195672/2021, в которых истец Booking.com B.V оспаривал постановление Федеральной антимонопольной службы). В достаточной степени изучен зарубежный опыт. Говоря иначе, для создания качественного, эффективного регулирования платформенных отношений никаких объективного характера помех нет. Необ-

ходимо отойти от волонтаристского подхода к определению платформ и разграничить для целей регулирования разные явления экономических отношений.

Для обсуждения, не претендуя на исчерпывающее описание возможной модели регулирования, можно предложить следующий подход.

Платформа (цифровая платформа) — это феномен экономический, пример двустороннего (многостороннего) рынка, как ее квалифицируют экономисты, то, что обеспечивает возможность *неопределенному кругу лиц* выставлять заявки (давать согласие) на покупку/продажу товаров (оказание услуг / выполнение работ) и совершать соответствующие сделки (отдельно следует подумать о включении в определение таких платформ возможности оплаты и доставки товара или об учете этих факторов в регулировании иным образом). Речь идет о признании цифровой платформой того, что в экономической теории именуют транзакционной платформой (в действующем законе они называются посредническими платформами); соответственно, определяющими для квалификации платформы будут такие факторы, как возможность взаимодействия с использованием сервисов платформы неопределенного круга лиц (посреднический характер деятельности, которую осуществляет владелец (оператор) платформы) и наличие сетевых эффектов.

Такие — классические — цифровые платформы требуют отдельного регулирования; формирование нового регулирования в отношении таких платформ может составить часть специальных положений Закона о защите конкуренции (учитывается сетевой эффект), а также (частично) положений Закона об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики (подчеркивается неограниченность круга участников). Последний из названных законов вполне мог бы составить основу регулирования, однако только при капитальной его реновации: изменении названия, новом описании предметных областей, новой структуре (не будем здесь останавливаться на деталях — они есть в тексте статьи), раскрытии специфики государственного регулирования, трансграничного характера деятельности, разрешения споров и т.д. Соответ-

⁵⁶ См.: Экосистемы: подходы к регулированию : доклад для общественных консультаций, апрель 2021 г. / Банк России. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/119960/consultation_paper_02042021.pdf ; Аналитический отчет о состоянии конкуренции на рынке услуг владельцев агрегатора информации о товарах (услугах) (маркетплейсов), 22 февраля 2024 г. / Управление регулирования связи и информационных технологий ФАС России // URL: <https://fas.gov.ru/documents/689570>.

ственно, потребуется исключение из различных законов (в том числе тех, о которых говорилось в настоящей статье) упоминаний о разного рода платформах, которые таковыми не являются.

Если цифровая инфраструктура обеспечивает возможность совершения сделок лишь между заранее ограниченным кругом лиц (такие примеры нам дает Закон о привлечении инвестиций, деятельность различных электронных площадок), то эти отношения не нужно квалифицировать как платформенные, а сами площадки называть платформами. При этом то, как деятельность таких посредников будет называться, не имеет большого значения: русский язык богат, и можно найти вполне верные описание и название. Хотелось бы отметить, что деятельность таких площадок может составлять часть деятельности лица, которое владеет платформой, — ограничения здесь могут быть антимонопольного характера, а также связанные с обеспечением безопасности. Более того, для гибкости регулирования целесообразно оставить уполномоченному государственному органу возможность квалифицировать и такие площадки как платформы (при выявлении сетевых эффектов). Для таких площадок может существовать общий закон, но специфика их правового положения может быть урегулирована и несколькими законами. К таким же площадкам следует относить и сервисы по продаже собственных товаров (продвижению услуг/работ) их производителем и (или) перепродаже товаров иных производителей (электронная дистанционная торговля).

Использование понятий «агрегатор» и «маркетплейс» как синонимов понятия «цифровая платформа», с нашей точки зрения, не в полной мере корректно (отметим, что его также рассматривают для обозначения части цифровых платформ, используя последнее понятие как родовое⁵⁷). Понятие «агрегатор» вполне может быть применено (как и сейчас) к деятельности лица, осуществляющего сбор, предоставление (в том числе в форме доступа) определенной информации. Агрегатор может стать цифро-

вой платформой (выполнять ее функции), если одновременно будет позволять неопределенному кругу третьих лиц посредством своих сервисов покупать/продавать товары (оказывать услуги / выполнять работы). Понятие «маркетплейс» нам кажется излишним, хотя если оно, что называется, прижилось⁵⁸, то вот его-то можно использовать для квалификации цифровой инфраструктуры (и ее владельца), обеспечивающей возможность совершения сделок лишь между ограниченным кругом лиц.

Отдельный вопрос — государственные сервисы, обеспечивающие обмен информацией между государственными органами (уполномоченными организациями/лицами), а также между такими органами (уполномоченными организациями/лицами) и гражданами (организациями), в том числе при оказании гражданам (организациям) государственных услуг. Их тоже пытаются квалифицировать как платформы. Если государству такое понятие представляется удачным, то, наверное, допустить его использование возможно, однако для устранения путаницы в терминологии следует соответствующие государственные информационные системы назвать государственными платформами, урегулировав их деятельность отдельным федеральным законом.

Подчеркнем, что указанный подход — лишь предложение для обсуждения. Анализ современной литературы дает основание для обсуждения и иного подхода, когда понятие «платформа» (цифровая) рассматривается как родовое для обозначения посреднического механизма. Говоря иначе, платформа может быть рассмотрена как объект, находящийся в управлении владельца (оператора), который обеспечивает взаимодействие различных субъектов между собой; транзакционные платформы предстают только в качестве одного из видов цифровых платформ. Теоретически такой подход как минимум достоин обсуждения, хотя нам он представляется несколько далеким от того понимания платформы, который разрабатывается в экономических исследованиях.

⁵⁷ См.: Кошель А. С., Кузьминов Я. И., Кручинская Е. В., Лесив Б. В. Поиск регуляторного оптимума деятельности цифровых платформ (сравнительный анализ) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 2. С. 35.

⁵⁸ Используется в литературе (см., например: Правовое обеспечение совершения сделок купли-продажи товаров на маркетплейсах (цифровых торговых платформах): участники, договоры, платформенная занятость, налогообложение : монография / отв. ред. Л. В. Андреева. М. : Проспект, 2025), а также в официальных документах, например, см.: Аналитический отчет о состоянии конкуренции на рынке услуг владельцев агрегатора информации о товарах (услугах) (маркетплейсов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вавилин Е. В.* Цифровой рубль: формирование механизма правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 201–206.
- Габов А. В.* Правовое регулирование краудфандинга в России. Белгород : НИУ «БелГУ», 2020. 348 с.
- Габов А. В.* Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13–82.
- Карапетян А. А.* Правовое регулирование деятельности цифровых платформ и антимонопольный контроль: практика применения // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 2 (38). С. 38–45.
- Кошель А. С., Кузьминов Я. И., Кручинская Е. В., Лесив Б. В.* Поиск регуляторного оптимума деятельности цифровых платформ (сравнительный анализ) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 2. С. 4–58.
- Маслов А. О.* Антимонопольные требования к функционированию цифровых платформ: правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 196 с.
- Правовое обеспечение совершения сделок купли-продажи товаров на маркетплейсах (цифровых торговых платформах): участники, договоры, платформенная занятость, налогообложение : монография / отв. ред. Л. В. Андреева. М. : Проспект, 2025. 240 с.
- Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.* Современный экономический словарь. М. : Инфра-М, 2007. 495 с.
- Савенков А. Н.* Новый технологический уклад и социогуманитарные вызовы // Государство и право. 2025. № 1. С. 14–36.
- Саяпин С. П.* Гражданско-правовое регулирование инвестиционных отношений с использованием цифровых платформ : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. М., 2024. 229 с.
- Тироль Ж.* Экономика для общего блага / пер. с фр. И. Е. Шевелевой ; науч. ред. перевода М. Левин. М. : Изд-во Института Гайдара, 2020. 696 с.
- Филиппова С. Ю., Харитонова Ю. С.* Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения // Правоведение. 2025. № 1. С. 58–75.
- Хоменко Е. Г.* Об особенностях функционирования платформы цифрового рубля // Хозяйство и право. 2023. № 10. С. 91–102.
- Шаститко А. Е., Маркова О. А.* Агрегаторы вокруг нас: новая реальность и подходы к исследованию // Общественные науки и современность. 2017. № 4. С. 5–15.
- Шаститко А. Е., Паршина Е. Н.* Рынки с двусторонними сетевыми эффектами: спецификация предметной области // Современная конкуренция. 2016. Т. 10. № 1 (55). С. 5–18.
- Armstrong M.* Competition in two-sided markets // The RAND journal of economics. 2006. Vol. 37. No. 3. P. 668–691.
- Caillaud B., Jullien B.* Chicken and egg: Competition among intermediation service providers // The RAND Journal of economics. 2003. Vol. 34. No. 2. P. 309–328.
- Evans D.* The antitrust economics of multi-sided platform markets // Yale Journal on Regulation. 2003. Vol. 20. Iss. 2. P. 325–381
- Filistrucchi L., Geradin D., van Damme E., Affeldt P.* Market Definition in Two-Sided Markets: Theory and Practice (March 16, 2013). TILEC Discussion Paper No. 2013-009, Tilburg Law School Research Paper No. 09/2013.
- Hagiu A., Wright J.* Multi-sided platforms // International Journal of Industrial Organization. 2015. No. 43. P. 162–174.
- Rochet J. C., Tirole J.* Platform competition in two-sided markets // Journal of the European Economic Association. 2003. No. 4. P. 990–1029.
- Rochet J. C., Tirole J.* Two-sided markets: a progress report // The RAND Journal of Economics. 2006. Vol. 37. No. 3. P. 645–667.

REFERENCES

- Andreeva LV. Legal Support for the Conclusion of Purchase and Sale Transactions of Goods on Marketplaces (Digital Trading Platforms): Participants, Contracts, Platform-Based Employment, Taxation. Moscow: Prospekt Publ.; 2025. (In Russ.).
- Armstrong M. Competition in two-sided markets. *The RAND Journal of Economics*. 2006;37(3):668-691.
- Caillaud B, Jullien B. Chicken and egg: Competition among intermediation service providers. *RAND Journal of Economics*. 2003;34(2):309-328.
- Evans D. The antitrust economics of multi-sided platform markets. *Yale Journal on Regulation*. 2003;20(2):325-381.
- Filippova SYu, Kharitonova YuS. Digital platforms in law and the law of digital platforms: New challenges for the legislator and ways to deal with them. *Pravovedenie*, 2025;69(1):58-75, DOI: 10.21638/spbu25.2025.104. (In Russ.).
- Filistrucchi L, Geradin D, van Damme E, Affeldt P. Market Definition in Two-Sided Markets: Theory and Practice (March 16, 2013). *TILEC Discussion Paper No. 2013-009*. Tilburg Law School Research Paper No. 09/2013.
- Gabov AV. Digital Platform as a New Legal Phenomenon. *Perm Legal Almanac*. 2021;4:13-82. (In Russ.).
- Gabov AV. Legal Regulation of Crowdfunding in Russia. Belgorod: BelGU NIU «BelGU» Publ.; 2020. (In Russ.).
- Hagiu A, Wright J. Multi-sided platforms. *International Journal of Industrial Organization*. 2015;43:162-174.
- Karapetyan AA. Legal regulation of digital platforms and antimonopoly control: application practice. *Russian Competition Law and Economy*. 2024;2(38):38-45, DOI: 10.47361/2542-0259-2024-2-38-38-45. (In Russ.).
- Komenko EG. On Features of Functioning of the Digital Ruble Platform. *Economy and Law*. 2023;10:91-102. (In Russ.).
- Koshel AS, Kuzminov Yal, Kruchinskaya EV, Lesiv BV. In Search of Regulatory Optimum for Digital Platforms: A Comparative Analysis. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2025;18(2):4-58, DOI: 10.17323/2072-8166.2025.2.4.58. (In Russ.).
- Maslov AO. Antitrust Requirements for the Functioning of Digital Platforms: Legal Aspect. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2022. (In Russ.).
- Raizberg BA, Lozovskiy LSh, Skorodubtseva EB. Modern Economic Dictionary. Moscow: Infra-M; 2007. (In Russ.).
- Rochet JC, Tirole J. Platform competition in two-sided markets. *Journal of the European Economic Association*. 2003;4:990-029.
- Rochet JC, Tirole J. Two-sided markets: a progress report. *The RAND Journal of Economics*. 2006;37(3):645-667.
- Savenkov AN. A New Technological Order and Socio-Humanitarian Challenges. *Gosudarstvo i pravo*. 2025;1:14-36. (In Russ.).
- Sayapin SP. Civil-Law Regulation of Investment Relations Using Digital Platforms. Cand. Sci. (Law). Diss. Moscow; 2024. (In Russ.).
- Shastitko A, Parshina E. Two-sided markets: the subject matter specification. *Journal of Modern Competition*, 2016;10(1):5-18. (In Russ.).
- Shestitko AE, Markova OA. Aggregators Around us: the new Reality and Approaches to Research. *Social Sciences and Contemporary World*. 2017;4:5-15. (In Russ.).
- Tirole J. Economics for the Common Good. Tr. from French by I.E. Sheveleva. Moscow; Gaidar Institute Publ.; 2020. (In Russ.).
- Vavilin EV. Digital ruble: Formation of the mechanism of legal regulation. *Tomsk State University Journal*. 2023;489:201-206, DOI: 10.17223/15617793/489/20. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Габов Андрей Владимирович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, и. о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук д. 10, Знаменка ул., г. Москва 119019, Российская Федерация andrey.gabov.00@mail.ru

Саяпин Сергей Петрович, кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук д. 10, Знаменка ул., г. Москва 119019, Российская Федерация spsayapin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Gabov, Dr. Sci. (Law), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Acting Head of the Sector for Civil and Business Law; Chief Research Fellow, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
andrey.gabov.00@mail.ru

Sergey P. Sayapin, Cand. Sci. (Law), Research Fellow, Sector for Civil and Business Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
spsayapin@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 20 мая 2024 г.

Статья получена после рецензирования 25 сентября 2025 г.

Принята к печати 15 октября 2025 г.

Received 20.05.2024.

Revised 25.09.2025.

Accepted 15.10.2025.